

Л. Ш. АРСЛАНОВ (Елабуга), *Н. И. ИСАНБАЕВ* (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ О МАРИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Марийско-татарские этнокультурные связи уходят своими корнями в глубокую древность. По мнению историков, начало им было положено еще в эпоху Волжской Булгарии (X—XIV вв.). В отдельных районах обитания марийского населения, например, на территориях нынешних Башкирской, Татарской АССР, а также в пограничных районах Марийской АССР, Кировской области эти связи продолжают иметь место и в настоящее время. В процессе многовековых тесных контактов между разноязычными народами Среднего Поволжья и Приуралья происходило не только культурное сближение, но и частичное этническое смешение. В состав поволжско-тюркских народов, в том числе и казанских татар, вошло немало отдельных групп марийцев и удмуртов. И наоборот, в составе марийского и удмуртского народов несомненно имеются элементы татарского этноса.

Одновременно с активными процессами культурно-экономического взаимодействия происходило и взаимодействие между марийским и татарским языками, нашедшее свое отражение в многочисленных лексических заимствованиях и проникновениях из одного языка в другой. Заимствование слов, а иногда и отдельных грамматических элементов и моделей слово- и формообразования осуществлялось в основном на базе двуязычия.

Татарско-марийские, равно как чувашско-марийские, русско-марийские языковые связи, носили двусторонний характер, однако степень и результаты их оказались неодинаковыми для контактирующих сторон. Так, если в марийском языке тюркские (татарские, чувашские, башкирские) и русские заимствования и лексические проникновения исчисляются тысячами, то заимствования в обратном направлении, т. е. из марийского в татарский или русский языки, представлены не более чем полусотней лексем. Это обусловлено целым рядом социально-экономических факторов, в частности политическим господством одного народа над другим, его численным превосходством, уровнем материальной и духовной культуры и т. д.

Марийский пласт в татарской лексике обнаруживается в основном в топонимии и гидронимии, что несомненно свидетельствует о давних связях между носителями языков. Изредка он встречается также в общенародном татарском языке и его местных диалектах. Марийские заимствования проникали в первую очередь в те татарские говоры, которые расположены в зоне непосредственного татарско-марийского языкового контактирования. Так, по данным диалектологического словаря татарского языка («Татар теленең диалектологик сүзлеге», Казань 1969, в дальнейшем — ТТДС), а также по нашим собственным наблюдениям,

марийские лексические элементы встречаются в основном в заказанских говорах татарского языка (бывшие Дубъязский, Лаишевский, Балтасинский, Высокогорский, Атнинский, Арский, Пестречинский районы ТАССР). Прежде всего здесь сосредоточены и топонимы и гидронимы марийского происхождения.

Проблема тюркских заимствований и их хронологизации в марийском языке давно привлекала внимание исследователей (см. Исанбаев 1979а : 5—41). Так, этому вопросу посвящены работы Ю. Вихманна, Э. Беке, Н. И. Ашмарина, М. Рясянена, В. Г. Егорова, Б. А. Серебренникова, Н. Т. Пенгитова, И. С. Галкина, М. Р. Федотова, Ф. И. Гордеева, Д. Е. Казанцева и др. Более полно и детально татаризмы в марийском языке исследованы Ф. И. Гордеевым (1973, 1975, 1976, 1976а, 1976б) и Н. И. Исанбаевым (1978, 1979а, 1979б, 1980). В работах последнего разработана и методика отграничения татаризмов от чувашских заимствований, определено значение изучения тюркизмов в марийском и других восточных финно-угорских языках для истории тюркских языков Поволжья.

Марийские заимствования в татарском языке пока не были предметом специального исследования, что объясняется, по-видимому, сложностью проблемы и скудостью материала. Вопрос частично затрагивался лишь в связи с изучением топонимии и гидронимии Заказанья (Саттаров 1975; Гарипова 1975), тюрко-финно-угорских языковых контактов (Räsänen 1920, 1923; Федотов 1965; Лукоянов 1973; Ахметьянов 1981; Тараканов 1982) и диалектов татарского языка (Бурганова 1976; Рамазанова 1976). Отдельные марийские заимствования в говорах татарского языка приведены в ТТДС с пометой *мар.*

Марийский пласт топонимии Заказанья и других районов Татарии исследован Г. Ф. Саттаровым (Антропонимия Татарской АССР, Казань 1975 и др.). В частности, автор указывает на следующие топонимы марийского происхождения: *Кышкар*, ср. мар. *кышкар* 'валик, цилиндр', *Шаршады*, ср. мар. *шаршудо* 'топтун-трава', *Пучы*, ср. мар. *пүчө* 'олень; лось', *Кенэр*, ср. мар. *күянэгер* 'каменистая река' и т. д.

Марийский пласт гидронимии Заказанья рассматривается Ф. Г. Гариповой (Гидронимия Заказанья Татарской АССР, Казань 1975). По ее мнению, в названиях рек Заказанья выявлены 57 гидронимов, генетически восходящих к марийскому языку. К ним автор относит, в частности, названия рек *Тылангер*, *Атынка*, *Кугуборка* и др.

Топонимия и гидронимия Татарской АССР и сопредельных районов, этимологизируемые с помощью марийского языка, являются предметом особого рассмотрения, поэтому ниже анализируются лишь те татарские слова, которые, на наш взгляд, восходят к марийскому (иногда марийско-пермскому) источнику. Заранее оговоримся, что предлагаемая статья представляет собой первую попытку краткой характеристики марийских заимствований в татарском языке и не претендует на полноту охвата материала. В ее основу легли данные, извлеченные главным образом из опубликованных источников. Многие марийские элементы в лексике татарского языка, особенно локальные заимствования и проникновения, еще ждут выявления.

Среди маризмов в татарском языке имеются лексемы, заимствованные в виде самостоятельных лексических единиц, и лексемы, вошедшие в воспринимающий татарский язык лишь в качестве строительного материала для образования сложных слов или фразеологизмов. Такие сложные слова и фразеологизмы представляют собой гибридные, татарско-марийские образования. Большинство марийских заимствований сохранило свое первоначальное лексическое значение без изменений, некоторые претерпели частичные семантические сдвиги или совершенно утра-

тили связь со своим этимоном. В лексико-семантическом плане маринизмы татарского языка можно распределить на разряды.

1. Слова, относящиеся к лесному хозяйству: *миләш*, мишар. *пизел* 'рябина', *соян*, диал. *соям* 'липа, с которой снято лыко', *терке* 'молодая сосна', *шылан* 'хвощ болотный', *шәмкә*, *шәмкәлек* 'молодой сосняк', *өмөже* 'малина', *пыкыш* 'соплодие ореха', *лапы* 'валежник', *ылыс* 'хвоя', *зый* 'годовые кольца на срезе дерева', *курыс* 'лыко', *мәшкә* 'гриб; березовая труба', *алабай* 'ромашка', лит. 'пулавка', *бәлчә* 'кисть, гроздь'.

2. Слова, относящиеся к охоте и рыболовству: *миран* 'заяц', *шәшке*, *чәшке* 'норка', *бәртәс* 'язь', *кәлчәк* 'чехонь', *кутәмә* 'пескарь', *шамбы* 'налим'.

3. Слова, связанные с пчеловодством: *кәрәз* 'соты медовые', *кирәм* 'веревочная лестница для лазания на дерево'.

4. Названия насекомых: *купшаңкы* 'жук', *ләпак* 'клоп'.

5. Слова, относящиеся к материальной культуре и обозначающие предметы быта: *бүкән* 'стул; чурбан', *тәүкәл* 'скамейка', *ләнгәч*, мишар. *эләнкәс* 'кадушка', *лыбы* 'кошель, сплетенный из лыка', *тырыс* 'кузовок из бересты'; одежду: *сүрәкә* — вид головного убора женщин, *ыштыр* 'портянка', *киндерә* 'бечевка, шнур'; пищу: *игәрче* 'мелкие хлебцы', *кугыл* 'пирог из тыквы и крупы', *лач*: *лач булу* 'промокнуть насквозь; быть сыроватым, плохо пропеченным (о хлебе)'; орудия и предметы труда: *чошле* 'кочедык (для плетения лаптей)', *бура* 'сруб', *актанасты* 'помещение под полом сеней, подполье', *көшел* 'ворох намолоченного зерна на току', *оңгы* 'кольцо, шайба серпа или косы (между рукояткой и самим серпом)'.

6. Слова, характеризующие человека, его поведение, внешность и т. п.: *кәкәм* — форма обращения к младшей сестре, *изепи* 'мягкосердный, слабый', *кыбры* 'щеголь', *кыйшаннау* 'представляться', *бисерәйү* 'разодеться', *намыстымыс* 'бесстыдный, бессовестный', *шакшы* 'плохой, скверный', *шуберле* 'бесноватый, злой дух', *шуйәк* 'шутник; лгун', *кукша* 'лысый, плешивый', *ләпшэйү* 'становиться (стать) вялым, дряблым (о мускулах)', *пичтәрләү*, *мичтәрләү* 'повесить за спину (пестерь)'.

7. Слова, обозначающие части тела, организма: *лепкә* 'темя у детей', *йар* 'пленка'.

8. Слова, обозначающие рельеф местности и географические объекты: *лап*: *лап жир* 'равнина', *лабра* 'жидкая грязь', *лыпыш* 'жидкое месиво', *шөлтөш* 'зажор'.

9. Слова духовной культуры: *печмән* 'весенний праздник', *бутыш* 'дух — хозяин природных объектов', *шекә* 'гном', *шыйлык* 'жертвоприношение весной'.

Следует отметить, что почти все маринизмы татарского языка имеются в лексике чувашского языка или его диалектов. Более того, некоторые из них могли войти в татарский язык через посредство чувашского языка.

Ниже приводится список марийских заимствований в татарском языке.

1. *актанасты* 'помещение под полом сеней, подполье'. *Актанастына кереп сала безнең бер ташык* 'Заходит под сени и кладет яйца одна наша курица' (ТТДС 30). Данное сложное слово, на наш взгляд, представляет собой гибридное образование и состоит из двух компонентов: *актан* (восходит к мар. *ардтан* 'петух') + *асты* 'низ', букв. 'подполье для петуха, петушиное подполье'.

2. *алабай* 'ромашка'. Состоит из двух компонентов: *ала* 'пестрый' и *бай*. Второй компонент сопоставим с мар. *βij* 'голова, колос' (Бурганова

- 1976 : 140), следовательно, слово представляет собой полукальку с мар. *oßbijan peledäš* 'ромашка полевая'.
3. *бисерэйу* 'разодеться и ходить без всякого дела' (ТТДС 88). Зафиксировано в Лаишевском и Дубъязовском районах Заказанья. По-видимому, восходит к мар. *pise* 'быстрый, бойкий, подвижный, резвый', к которому присоединены татарские словообразовательные элементы.
4. *балча* 'кисть, гроздь'. Встречается в татарских говорах Заказанья. В других тюркских языках не употребляется. Н. Б. Бурганова возводит к мар. *βelše* 'осыпавшийся' (1976 : 140).
5. *бартас*, мишар. *бартач* 'язь, сорожка' (ТРС 90). Встречается и в чувашском языке: *партас* 'голавль, язь' (ЧРС 256). В других тюркских языках не известно. М. Рясянен считает заимствованием из марийского языка; ср. марГ *pä-rdäš*, марЛ *pardaš* 'язь', ? фин. *partti-(-lahna)*, *lahnan-partti* (Räsänen 1920 : 257).
6. *бура* 'сруб, закром, сусек' (ТРС 84). Распространено и в чувашском, башкирском языках: чув. *пура* 'сруб, закром, сусек' (ЧРС 292), башк. *бура* то же (БРС 120). В других ареалах распространения тюркских языков не встречается. Аналогичное слово имеется в марийском языке: *пурá* 'сруб, закром, сусек' (МРС 469). По-видимому, источник заимствования — марийский язык, хотя М. Рясянен придерживается иного мнения (Räsänen 1923 : 55—56).
7. *бутыш* 'языческий дух — хозяин природных объектов' (Золотницкий 1875 : 28; Ахметьянов 1978), 'водяной'. Соответствующее слово имеется в чувашском языке: *вуташ* 'водяной' (ЧРС 80). В других тюркских языках не известно. М. Рясянен возводит его к мар. *βöðäž*, *βa-däž* — название низшего божества (Räsänen 1920 : 273—274).
8. *букан* 'стул, чурбан'. Считается удмуртским заимствованием в татарском и чувашском языках (Wichmann 1903 : 150), но не исключено, что оно попало в татарский язык из марийского, о чем свидетельствует его фонетический облик (переднерядный гласный *y*); ср. мар. *püken*, удм. *пукон* 'стул', *пукыны* 'сидеть' (УРС 362, 363).
9. *быжан-быжан* 'тихонечко, незаметно'. Зафиксировано в говоре крещеных татар Елабужского района ТАССР (ТТДС 99). Можно считать, что оно восходит к мар. *βäžye* 'слегка, мягко, плавно', *mardež bäžye pualeš* 'дует легкий ветерок (досл. ветер слегка подует)'
10. *зый* 'годовые кольца на срезе дерева; слой, струя, волокно дерева' (Золотницкий-1875 : 64). Восходит к мар. *ший* 'годовой слой древесины' (МРС 705). Ср. соответствия в других финно-угорских языках: удм. *си*, коми *си*, фин. *суу* (SKES 1151). Заимствовано и чувашским языком: *си*, *сай* 'годовой слой (дерева)'
11. *изэрче* 'мелкие хлебцы' (ТТДС 142), употребляется в хвалынском говоре мишарского диалекта, куда попало, надо думать, через чувашский язык (ср. чув. *икерчë* 'блины, оладьи; ватрушки', ЧРС 104). Восходит к мар. *эгэрче* 'пресная лепешка в виде маленькой булочки', *шÿльö эгэрче* 'овсяная лепешка' (МРС 771).
12. *имеш-манеш* 'молва, слухи, небылицы'. Зафиксировано в Арском районе ТАССР. Состоит из двух компонентов разного происхождения: тат. *имеш* 'молва, слухи, небылица' + мар. *maneš* 'говорит', *maneš-maneš* 'сплетни (букв. говорит-говорит)'; *maneš-manešlan it üšane* 'не верь сплетням'. Контаминация исконного и заимствованного слов, имеющих синонимичное значение, — обычное явление при взаимодействии языков, ср. мар. *potaištö* 'тканый кушак', состоящее из тат. диал. *пута* 'кушак, пояс' и мар. *üštö* 'пояс' и т. д.
13. *йар* 'пленка'. *Йар баскан ыйы минем куземне* 'Пленкой покрылись мои глаза'. Бытует в заказанских говорах татарского языка (ТТДС

166), восходит к мар. *jar* 'пленка на мясе', диал. 'пленка', *siñcažəm jar nalān* 'глаза его покрылись пленкой'.

14. *йома* — марийский бог, диал. 'пятница' (Ахметьянов 1978): *чирмеш-нең алласы йома* 'бог у марийцев — йома'. Восходит к мар. *jumo* 'бог'. Ср. фин. *jumala*.

15. *кандера* 'бечевка, шнур' (ТРС 256). Слово встречается и в чувашском языке: *кантра* 'веревка, шнур, бечевка' (ЧРС 134). По-видимому, восходит к марГ *kändərə*, марЛ *kandāra* то же.

16. *кирәм* диал. 'веревочная лестница для лазанья на дерево' (ТРС 259), башк. *кирәм* 'веревка (при помощи которой пчеловоды-бортники лазают на высокие деревья без сучков)' < мар. *kerem* 'веревка'.

17. *кугыл* 'пирог из тыквы и крупы'. Употребляется в бирском говоре татарского языка (ТТДС 207). Очевидно, носители говора восприняли его от восточных марийцев. Ср. марВ, марЛ *коҗәлө*, марГ *каҗәл* 'пирог'. Ср. соответствия в других финно-угорских языках: удм. *кукли* 'пирог', лив. *kougol* 'коврига, каравай', эст. *kukkel* 'маленький каравай хлеба, хлебец'.

18. *кукша* 'лысый, плешивый' (ТТДС 255). Встречается и в чувашском языке: *кукша* 'лысый, плешивый' (ЧВС 93). Восходят к мар. *kukšo* 'сухой, засохший'. МарВ *kokša* 'шелудивый, покрытый струпами (в сказках)' представляет собой обратное заимствование из татарского языка.

19. *купшанкы* 'жук'. Зафиксировано в Буинском, Нурлатском и Тетюшевском районах ТАССР (ДС II 115). Восходит к мар. *kopšange* 'жук'. Встречается и в чувашском языке: *кәпшанкә* 'мокрица' (ЧРС 151), куда попало, по-видимому, из горного диалекта марийского языка, ср. марГ *karšangä*.

20. *курыс* 'лыко' (ТРС 300). Употребляется и в других поволжско-тюркских языках: чув. *курäs* 'мочало, липовая кора' (ЧВС 97), башк. *курыс* 'лыко' (БРС 350). М. Рясänen считает марийским заимствованием, вошедшим через чувашский язык (Räsänen 1969 : 303): марГ *karṛäž* 'кора, корка', венг. *hars* 'липа', фин. *kuori, kaarna* 'кора, лыко'. МарВ *koräs* 'лыко необделанное', по-видимому, представляет собой обратное заимствование из татарского, марГ *корш* то же (МРС 224) — из чувашского.

21. *кутыр* 'короста, струп, болячка' (ТРС 300). Распространено и в других поволжско-тюркских языках: чув. *котәр*, *кутәр*, башк. *кутыр* (БРС 350). Заимствовано из марийского языка, ср. мар. *кóтыр* 'чесотка, короста' (МРС 225).

22. *кыбры* 'щеголь'. Употребляется в Азнакаевском районе ТАССР (ДС II 117). Восходит к мар. *коврә* 'щеголь, франт' (МРС 201), которое проникло и в чувашский язык, ср. чув. *кәпәр* 'нарядный, модный, красивый, щегольской' (ЧВС 69).

23. *кыйшаннау* 'представляться'. Встречается в говоре уральских татар (ДС II 118), заимствовано из марийского языка, ср. мар. *койышланаш* 'рисоваться, представляться, жеманиться' (МРС 206).

24. *кыртыш* 'ерш'. Встречается в Сабинском районе ТАССР (ДС II 120). Восходит к мар. *кырыш* 'ерш' (МРС 271). Заимствовано и чувашским языком: *кәрәш* 'ерш' (ЧРС 152).

25. *кәкәм* — форма обращения к младшей сестре, ласковое обращение к женщинам моложе себя. Отмечено в Мамадышском районе ТАССР (ТТДС 268). Восходит к мар. *кокәт* 'тетка, тетья (форма обращения)', *кока* 'тетя, тетка' (МРС 206). Слово *кока* со значением 'тетя' употребляется и в русских народных говорах, например, в Елабужском районе ТАССР.

26. *кэлчак* диал. 'чехонь' (ТРС 319). Встречается и в диалектах чувашского языка: *кӑлчак* 'подлещик' (ЧРС 148; Лукоянов 1973 : 58), куда проникло из марийского языка: мар. *kälčak* 'красноперка', диал. 'чехонь'.
27. *кэрэз* 'соты; сотовый' (ТРС 320). Восходит к мар. *кӱраш*, *карӱш* 'соты' (МРС 179, 188). Встречается также в чувашском (*карас*) и башкирском (*кәрәз*) языках.
28. *көшөл* 'ворох, куча намолоченного зерна' (ТРС 330). Употребляется и в других поволжско-тюркских языках: башк. *көшөл* (БРС 284), чув. *кӱшӱл* то же (ЧРС 155). Заимствованы из марийского языка, ср. мар. *кышыл* 'куча зерна, ворох зерна' (МРС 275).
29. *кутамэ* 'пескарь'. Встречается и в говорах верхового диалекта чувашского языка: *котам*, *кутан*, *котан* 'мелкая рыба, пескарь, жибер, ерш' (Лукоянов 1973 : 58). Восходят к марийскому источнику, ср. мар. *котамӱ* 'форель' (МРС 225), *кадамӱ* 'пескарь' (МРС 169).
30. *лабра* 'жидкая грязь' (ТТДС 228). Бытует и в верховом диалекте чувашского языка: *лапра* 'грязь, грязное место; грязный' (ЧРС 192). Представляют собой заимствование из марийского языка, ср. мар. *лаврӱ* 'грязь' (МРС 278).
31. *лап* 'ровный'. Употребляется в Балтасинском районе ТАССР (ТТДС 289), *лап жир* диал. 'равнина, равнинная местность' (ТРС 349). Встречается и в чувашском языке: *лап* 'лощина, ложбина, низина' (ЧРС 189). Восходят к мар. *лап* 'низина, низкий' (МРС 281). Во многих финно-угорских языках имеются соответствия: фин. *lappea* 'тонкая железная пластинка', мордЭ *лапуӱӧ*, мордМ *лапӧ* 'плоский, плоскость', коми *лапкӱд* 'низкий, невысокий', удм. *лап* 'пологий', венг. *lap* 'плоский' (SKES 277).
32. *лапы* 'валежник', *лапылы урман* 'лес, изобилующий валежником', *лапылык* 'место в лесу, покрытое валежником' (ТРС 349). Ср. мар. *лупо* 'куча хвороста, валежника' (МРС 301).
33. *ластырау* 'висеть, свисать'. Отмечено в говоре уральских татар (ТТДС 230). Очевидно, проникло из марийских говоров данного региона, ср. мар. *lastӱra*, *laštӱra* 'развесистый', *лаштыра тӱмо* 'развесистый дуб' (МРС 284), удм. *ластар* 'лохматый, всклокоченный' (УРС 253).
34. *лач*: *лач булу* 'промокнуть насквозь; быть сыроватым, плохо пропеченным' (ТТДС 291), лит. *лыч*, *лычма* (ТРС 354). Употребляется и в чувашском языке: *лач* 'насквозь промокший, очень мокрый' (ЧРС 198). Ср. мар. *лаза* 'низкое болотистое место', *лазыра* 'водянистый', *лазыргӱш* 'мокнуть, размягчаться, размягчиться, сделаться водянистым' (МРС 279), венг. *l\u00e1gy* 'мягкий, нетвердый' (см. также TESz II 706).
35. *лепер*: *лепер булу* 'намокнуть сильно' (ТТДС 292). Отмечено в Балтасинском районе ТАССР. Ср. мар. *l\u00e9\u00b2\u00e9rge* 'сырой, влажный, мягкий (о погоде)', *l\u00e9\u00b2\u00e9rta\u00b9* 'теплеть, потеплеть (о погоде)'.
36. *лепка* 'темя у детей' (ТРС 351). Распространено и в других поволжско-тюркских языках: чув. *лӧпке* 'темя' (ЧРС 214), башк. *лепка* 'родничок (у ребенка)' (БРС 369). Восходят к марийскому источнику: марГ *лепка* 'лоб', *леплӱ* 'теменная кость' (МРС 287), *вуйлӧп* 'темя' (МРС 81).
37. *лыбы* диал. 'юкадӧн урелгӧн кӧрзин (корзина, сплетенная из лыка)' (ТТАС II 344). Употребляется и в чувашском языке: *лӧпӱ* 'глубокая корзина для сена' (ЧРС 204). М. Ряснен считает их заимствованием из марийского языка, ср. мар. диал. *lupo* 'ganzen aus bast, schnappsack' (Räsänen 1920 : 252).
38. *лыпыш* 'раствор глины и песка, грязь в осенне-весенний период, жидкое месиво'. Зафиксировано нами в Актанышском районе ТАССР. Ср. мар. *лапӱш* 'болтушка (мука, замешанная с водой — пойло для скота); полужидкая масса' (МРС 281).

39. *лын* 'битком, полным полно'. Отмечено в дубъязовском подговоре заказанских говоров (ТТДС 293). В других тюркских языках не употребляется. Восходит к мар. *лын* 'много, порядочно' (МРС 309), ср. венг. *leg-* (TESz II 739).

40. *ләпәк* 'низкий, невысокий'. Зарегистрировано в говоре уральских татар (ТТДС 295). Другим тюркским языкам не известно. Заимствовано из окружающих говоров марийского языка: мар. *ләпкә* 'низкий, невысокий' (МРС 281), ср. еще удм. *лапег* 'низкий, невысокий' (УРС 252), коми *ляпкыд* 'низкий' (КРС 405).

41. *ләпшәйү* 'становиться, стать вялым, дряблым (напр. о мускулах); вянуть, завянуть (о листьях)' (ТРС 355). Ср. мар. *лывыжгаиш, лывыжгаиш* 'вянуть, увядать, блекнуть (о листьях, зелени)' (МРС 307, 311). В форме *ләпшәкен* 'вянуть' проникло и в чувашский язык (Лукоянов 1973 : 54). Ср. коми, удм. *ляб* 'слабый, тихий', мордМ *ляпе* 'слабый' (Федотов 1968 : 203).

42. *ләңгәч* диал. 'кадушка' (ТРС 356), *эләңгәч* то же. Встречается и в чувашском языке: *ленкес* 'деревянное ведро, деревянная долбленая посуда' (ЧРС 210). Заимствовано из мар. *ләңгыш, ләңж* 'кадка' (МРС 284, 287). Имеются соответствия в других финно-угорских языках: коми *лянос* 'подойник', удм. *лянес* 'туес, туесок, бурак (берестяная посуда цилиндрической формы)' (УРС 271), эст. *lännik* 'кадка, высокая деревянная посуда'.

43. *миләш* 'рябина' (ТРС 371). М. Рясänen (Räsänen 1969 : 338) считает заимствованием из марийского языка (ср. мар. *pizle* 'рябина', в татарском языке — явление метатезы). В темниковском говоре мишарского диалекта встречается однокоренное слово в форме *пизел*, которое Л. Т. Махмутова рассматривает как мордовское заимствование (Махмутова 1976 : 152—159).

44. *миран* 'заяц'. Употребляется в дубъязо-атнинском подговоре в качестве табуированного слова. Так, при детях тат. *куян* 'заяц' не должно произноситься, можно употреблять только *миран*, которое проникло из марийского языка, ср. мар. *мерән* 'заяц; заячий' (МРС 322). Ср. еще чув. *тоған* 'hase' (Räsänen 1920 : 255).

45. *мичтәрләү, пичтәрләү* 'повесить за спину' (ТТДС 306). Широко распространено в заказанских говорах. Ср. мар. *пестёр* 'пестерь, берестяное лукошко' (МРС 423). На татарской почве произошло расширение семантики слова.

46. *мәшкә* 'гриб, березовая туба, из которой делается трут'. Встречается в говоре пермских татар (ДС II 141), а также в башкирском языке: *мәшкә* 'гриб' (БРС 399). Ср. марГ *mäks̄*, марЛ, марВ *tekš* 'гнилушка (гнилое дерево)'. Соответствия в других финно-угорских языках: мордЭ *макио* 'гнилушка' (ЭРС 129), саам. *mieskât* 'decay, rot' (Nielsen 1934 : 665).

47. *намыстымыс* 'бесстыдный, бесовестный'. По любезному сообщению Ю. Ю. Юсупова, употребляется в речи татар села Коргузино Зеленодольского района ТАССР. Заимствовано вместе со словообразовательным формантом из марийского языка, ср. мар. *намысдыме* 'бесстыдный, бесовестный' (МРС 347). Конечный *с* в татарском слове — наращение на татарской почве, что наблюдается часто при морфологическом освоении заимствованных слов, ср., например, мар. *zänğärçe* 'синий' < тат. *zänğär* то же, где *-çe* присоединилось к заимствованному слову по аналогии с исконно марийскими словами типа *užarçe* 'зеленый', *košarçe* 'острый, остроконечный'.

48. *печмән* диал. 'весенний праздник'. Р. Г. Ахметьянов сопоставляет с мар. *päšman* (диал. *pišman*) 'полоса, межа', *päšman nätmär* 'межевая

каша' (1978 : 68). Встречается и в чувашском языке: *песмен* (Лукоянов 1973 : 65).

49. *сөйәм, сөйән* 'липа, очищенная от сучьев и коры'. Широко распространено в татарских говорах Восточного Прикамья и Заказанья (Бурганова 1976 : 138—139; ТТДС 387). В говоре татар Актанышского района употребляется в значении растущей липы. Восходит к марВ *süjet* 'ободранная липа'. Ср. еще удм. *суйыны, суыны* 'очистить дерево от сучьев, от коры; окорить, окорять' (УРС 401), коми *сувыныны* 'очищать от сучьев' (КРС 646).

50. *сүрәкә* 'головной убор у крещеных татарок, головной убор в виде колпака' (ТТДС 390; ДС II 172). Ср. марЛ *soroka* 'головной убор замужних женщин'.

51. *терке* 'молодая сосна'. Встречается в татарских говорах Пермской области, северо-восточных районов БАССР, в диалекте сибирских татар, а также в говорах башкирского языка (Хайрутдинова 1982 : 110). Воспринято от уральских марийцев: мар. *тырке* 'молодая сосна' (МРС 617), *tärke čodära* 'молодой лес' (Paasonen 1948 : 153), ср. еще манс. *tarci*.

52. *тырыс* 'кузовок из бересты' (ТРС 564), диал. *туез* то же (ДС II 187). Имеется и в других поволжско-тюркских языках: чув. *тәрәс* 'бурак, туес' (ЧРС 404), башк. *тырыз* 'кузовок, кузов, короб из бересты (для ягод и грибов)' (БРС 562). Р. Г. Ахметьянов считает, что источником заимствования были финно-угорские языки Волго-Камья (Ахметьянов 1978 : 125), а М. Рясänen выводит из финно-пермских языков

(Räsänen 1969 : 497), ср. марВ *täräs* 'кузовок из бересты', лит. *tūrys* 'бурак, туесок' (МРС 605), коми *туис* 'туес, бурак' (КРС 693).

53. *тәңкәл* 'скамейка'. Употребляется в дубьязо-атнинском говоре (ТТДС 441; ДС II 195). В словаре дается с пометой *чув.*, которая, на наш взгляд, верна только для дрожжановского говора, имеющего в своем словаре *тәнкәл*. Что касается дубьязо-атнинского говора, то он, надо думать, воспринял его непосредственно из марийского языка. Соответствующее слово бытует также в башкирском и чувашском языках, например, чув. *тенкел* 'скамейка', диал. 'стул' (ЧРС 411).

54. *тәпә* мишар. 'ловушка, мышеловка', лит. *тәпә* то же (ТРС 565). Употребляется и в чувашском языке. М. Рясänen сравнивает с мар. *tä-βä* 'brunnenschwengel, brunnen' и саам. *davgge* 'bogen', вепс. *täug* 'flitzbogen' (Räsänen 1920 : 268). Это дает известное основание рассматривать татарское и чувашское слова как заимствования из марийского языка.

55. *чэберчек*: ч. *йомырка* 'тухлое яйцо' (ТРС 647). В других тюркских языках, кроме чувашского, не встречается. Близкое к нему слово имеется в марийском языке: марГ *цывырчык*, марЛ *шувырчык* 'яйцо-болтун' (МРС 662, 729). По-видимому, заимствовано из марийского. М. Рясänen дает со знаком = (Räsänen 1920 : 260).

56. *шамбы* 'налим' (ТРС 665) < мар. *шамбá* 'налим' (МРС 691). Имеются соответствия в других финно-угорских языках: фин. *sampi*, венг. *сотрб* (TESz II 155; иначе в SKES 963—964). Слово проникло и в другие поволжско-тюркские языки: чув. *шампа* 'налим, голец, головастик', башк. *шамбы* 'налим' (БРС 654).

57. *шуберле* 'бесноватый, злой дух'. Встречается в Правобережье Волги. Р. Г. Ахметьянов связывает с мар. *šüβär* 'пузырь, волынка' и *šüyarla* 'могильный дух, кладбище' (Ахметьянов 1981 : 47).

58. *шуйәк* 'шутник'. Ул бик шуйәк кеше 'Он большой шутник'. От этого же слова образован глагол *шуйәкләнү* 'обманывать'. Син *шуйәкләнен утырма* 'Ты не шути (не ври)' (ТТДС 517). В татарские говоры Заказанья проникло, несомненно, из марийского языка, ср. мар. *шояк* 'ложь; ложный, лживый' (МРС 724), 'лгун, врун'. Образовано от корня, заим-

- ствованного из чувашского языка: *суй* 'лгать', *суя* 'ложь' (ЧРС 336).
59. *шуу* 'скользнуть на льду, кататься' (ТРС 666). Употребляется и в чувашском языке: *шу* 'двигаться, скользнуть, ползть' (ЧРС 567). По-видимому, заимствованы из марийского языка, ср. мар. *šuaš* 'грести веслом'. М. Ряснен сопоставляет под вопросом (Räsänen 1969 : 449). Ср. еще фин. *soutaa* 'грести (веслами)' (ФРС 469).
60. *шыйлык* 'жертвоприношение весной; торжественный выезд, заключающий свадьбу'. Имеется и в чувашском языке: *шыллык* 'устроенное в середине двора застолье для совершения свадебного обряда' (ЧРС 1982 : 626). М. Ряснен считает их заимствованием из марийского языка (Räsänen 1969 : 445); ср. мар. *шэлык* 'престол, божница' (МРС 699), диал. 'место моления у языческих марийцев'.
61. *шымтыр* 'ничего'. Активно употребляется в Заказанье, отмечено также в нагорной стороне ТАССР. Весьма часто встречается в художественных произведениях А. Гилязева, Э. Касимова, Т. Минуллина и др. Следовательно, оно перестало быть диалектным словом, перешло в разряд просторечной литературной лексики. Включено и в толковый словарь татарского языка (ТТАС III 528). По-видимому, восходит к марийскому источнику: *šmät* 'семь', *är* 'копейка, т. е. семь копеек, семикопеечное, незначительное, ничего не стоящее, не заслуживающее внимания (дело)'.
62. *шэмкэ, шэмкәлек* 'молодой сосняк'. Встречается в говорах Заказанья. Восходит к марГ *шангы* 'сухой хворост, валежник', *пушангы, пушанге* 'дерево' (МРС 697, 474). Соответствия имеются и в других финно-угорских языках, ср. фин. *sänki* 'жнив' (SKES 1167—1168), хант. *тәнк* 'колышек'. Слово из марийского языка проникло и в чувашский язык: *шанкă* 'хворост, сушняк, валежник' (ЧРС 1982 : 603; Räsänen 1920 : 263).
63. *шәшке, чәшке* 'норка' (ТРС 669, 650). Ср. мар. *šäškä* 'норка'. Имеются соответствия в финно-угорских языках, ср. фин. *häähkä*, вепс. *hähk*, удм. *шашкы* 'норка'. Это дает основание считать, что слово заимствовано из марийского языка. Марийским заимствованием являются и чув. *шашкă*, башк. *шәшке* 'норка'.
64. *шөкэ, шекэ, шөкэ парийе*. В заказанских говорах обозначает гнома, старика маленького роста, обитающего под корнями дерева. Р. Г. Ахметьянов полагает, что слово восходит к мар. *šika, šiya* 'леший' (Ахметьянов 1981 : 48). Вошло и в чувашский язык: *чике* 'старичок с локоток' (ЧРС 539).
65. *шөлтөш, сөлтөш* 'зажор' (Золотницкий 1875 : 76). Ср. марЛ. *šultäš* 'льдинка, сало', ий *шүлгыш* 'льдинка', *шүлгышан вүд* 'вода со льдинками' (МРС 734), марГ *šaltäš* 'nasser Schnee, Tauschnee' (Ramstedt 1902 : 130). Имеется в других финно-угорских языках: коми *шоль* 'талый, зернистый весенний снег' (КРС 776), манс. *сульх* 'сало (во время ледохода)'. Заимствовано и чувашским языком: *шөлкёш* 'снег, пропитанный водой, подтаявший рыхлый лед, сало' (Егоров 1964 : 337; Räsänen 1920 : 264; 1923 : 94).
66. *ыштыр* 'портянка, онуча' (ТРС 678). В других тюркских языках, кроме башкирского (*штыр* 'онучи длинные'), не встречается. М. Ряснен считает марийским заимствованием, ср. мар. *äštär* 'суконная онуча', удм. *ыштыр* 'онуча', фин. *hattara* (Räsänen 1969 : 168).
67. *өмөже* 'малина'. Встречается в говорах пермских и свердловских татар (ТТДС 553). Ср. мар. *энгыж* 'малина' (МРС 775). В других тюркских языках не употребляется, но имеется в волжских и пермских языках: удм. *эмезь* 'малина, малиновый' (УРС 522), коми *өмидз* 'малина', мордЭ *эмеж* 'плод, ягода'.

Кроме перечисленных слов, в марийском и татарском языках имеется немало общих лексем, источник заимствования которых остается неясным, например: тат. *аймыл* 'ошибочный, неправильный' = мар. *ajmältaš* 'блуждать, плутать (в поисках дороги)', тат. *эрэмэ* 'урема (пойменный лес)' = мар. *arata* 'кустарник (в низине возле реки)', диал. 'урема'; тат. *ардана* 'штабель, поленица' = мар. *artana* 'поленица'; тат. *ашаке* 'плохой, дрянной; мерзавец' = мар. *ašaka* 'плохой, мерзкий; злой дух'; тат. *карәкә* 'карась' = мар. *karaka* то же; тат. *шепкән* 'рыжик, сурепица' = марГ *šərkän* то же, тат. *шурлек* 'полка, полочка' = мар. *šörläk* то же и др.

Следует отметить, что в марийском и татарском языках, а также в других языках волго-камской зоны (чувашском, башкирском, удмуртском) присутствует большое количество сложных слов и составных терминов, созданных по единому образцу. Р. Г. Ахметьянов в своей монографии привел некоторые из них (1981). Гораздо больше их среди производственной, социально-экономической и отраслевой терминологии, изучение которой ждет своего исследователя.

Сокращения

БРС — Башкирско-русский словарь, Москва 1958; **ДС II** — Диалектологик сүзлек, Казань 1953; **КРС** — Коми-русский словарь, Москва 1961; **МРС** — Марийско-русский словарь, Москва 1956; **ТРС** — Татарско-русский словарь, Москва 1966; **ТТАС** — Татар теленең анлатмалы сүзлеге I—III, Казань 1977, 1979, 1981; **ТТДС** — Татар теленең диалектологик сүзлеге, Казань 1969; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **ФРС** — Финско-русский словарь, Москва 1955; **ЧРС** — Чувашско-русский словарь, Москва 1961; **ЧРС 1982** — Чувашско-русский словарь, Москва 1982; **ЭРС** — Эрзянско-русский словарь, Москва 1949; **мишар.** — мишарский диалект татарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков, Москва.
 — 1981, Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья, Москва.
 Бурганова Н. Б. 1976, О татарских народных названиях растений. — Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка, Казань, 125—144.
 Гарипова Ф. Г. 1973, Гидронимия Закавказья Татарской АССР. Автореф. канд. дисс., Казань.
 Гордеев Ф. И. 1973, О татарских лексических заимствованиях марийского языка. — Вопросы марийского языкознания, вып. III, Йошкар-Ола.
 — 1975, О татарских заимствованиях в лексике марийского языка. — Диалекты и топонимия Поволжья III, Чебоксары.
 — 1976, Татаризмы в лексике марийского языка. — СФУ XII, 94—103.
 — 1976а, О татарских проникновениях в лексике марийского языка. — Диалекты и топонимия Поволжья III, Чебоксары.
 — 1976б, Татаризмы в лексике марийского языка. — Вопросы марийского языкознания, Киров—Йошкар-Ола.
 Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.
 Золотницкий Н. И. 1875, Корневой чувашско-русский словарь, Казань.
 Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке. — Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола, 3—50.
 — 1979а, История изучения татарских заимствований в марийском языке. — Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола, 5—41.
 — 1979б, Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствованных существительных в марийском языке. — СФУ XV, 76—83.
 — 1980, Об отграничении татарских заимствований от чувашских в марийском языке. — СФУ XVI, 183—192.
 Лукоянов Г. В. 1973, Марийские заимствования в чувашском языке, Чебоксары.
 Махмутова Л. Т. 1976, Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров (К мишарско-мордовским взаимосвязям). — Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка, Казань, 152—159.
 Рамазанова Д. Б. 1976, Пермь татарлары сөйләшэндәге алынма сүزلәр. — Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка, Казань.
 Саттаров Г. Ф. 1975, Антропонимия Татарской АССР. Автореф. докт. дисс., Казань.

- Тараканов И. В. 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке, Ижевск.
- Федотов М. Р. 1965, 1968, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I—II, Чебоксары.
- Хайрутдинова Т. X. 1982, О взаимодействии тюркских и финно-угорских языков в северо-восточных районах БАССР. — Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР, Казань, 107—111.
- Nielsen, K. 1934, Lappisk ordbok — Lapp Dictionary, Oslo (Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter. XVII 2).
- Paasonen, H. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki (LSFU XI).
- Ramstedt, G. 1902, Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsingfors (MSFOu XVII).
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki (LSFU XVII).
- Wichmann, Y. 1903, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors (MSFOu XXI).

L. S. ARSLANOV (Jelabuga), N. I. ISANBAJEV (Joškar-Ola)

ZU MARISCHEN ENTLERNUNGEN IM TATARISCHEN

Die marisch-tatarischen Beziehungen sind auf die Epoche der Wolgabulgaren zurückzuführen. Ergebnis dieser Kontakte sind zahlreiche Entlehnungen, die aufgrund des Bilinguismus entstanden sind. Im Artikel werden 67 solcher Entlehnungen analysiert, indem zu diesen eine lexikalisch-semantische Charakteristik dargelegt wird sowie die territorialen Verbreitungsgrenzen festgelegt werden.